

Золотой Компас

В серии «Золотой компас»
вышли книги Филипа Пулмана

Цикл «Темные начала»

«Северное сияние»

«Чудесный нож»

«Янтарный телескоп»

*

«Сказки братьев Гримм»

Филип
Пулман

КНИГА
ПЫЛИ

Прекрасная
дикарка

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П88

Philip Pullman
THE BOOK of DUST
La Belle Sauvage

*La Belle Sauvage is first published in Great Britain in 2017
by David Fickling Books, 31 Beaumont Street, Oxford, OX1 2NP,
in association with Penguin Books, 80 Strand, London WC2R 0RL*

*Печатается с разрешения литературных агентств
United Agents LLP и Synopsis Literary Agency*

Оформление обложки *Андрея Фереца*

Пулман, Филип.

П88 Книга пыли. Прекрасная дикарка / Ф. Пулман ; [пер.
с англ. А. Блейз и А. Осипова]. – Москва : Издательство
АСТ, 2019. – 576 с. – (Золотой компас).

ISBN 978-5-17-982968-3

Недалеко от Оксфорда, на берегу Темзы, живет простой одиннадцатилетний мальчишка по имени Малкольм Полстед. Он помогает родителям, которые содержат трактир, обитательницам женского монастыря на другом берегу реки, и очень хочет учиться в настоящей школе. Однажды Малкольм узнает, что в монастыре появился необычный гость. Это маленькая девочка. Ее зовут Лира Белаква...

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

Copyright © 2017 by Philip Pullman
© А. Блейз, А. Осипов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018
ISBN 978-5-17-982968-3

Посвящается Джуд

«Мир безумен, еще безумнее, чем мы думаем,
Неисправимо пестр...»

— *Луис Макнис*¹, «Снег»

¹ Луис Макнис (1907—1963) — английский поэт ирландского происхождения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ФОРЕЛЬ»

Глава 1

ЗАЛ-НА-ТЕРРАСЕ

В трех милях вверх по Темзе от центра Оксфорда, вдалеке от людного участка реки, где Иордан, Габриэль, Баллиол и еще пара дюжин именитых колледжей состязались за первенство на веслах, — в общем, там, откуда город казался лишь толчеей башен и шпилей, вздымающихся над туманным лугом Порт-Медоу¹, — стоял монастырь Годстоу², где кроткие монахини предавались своим богоугодным делам; а напротив монастыря, через реку, расположился трактир «Форель».

Трактир, привольно раскинувшийся на берегу, был старей, каменной кладки, большой, но уютный. Над рекой тянулась терраса, где расхаживали павлины (одного звали Норман, другого — Барри), бессовестно под-

¹ Порт-Медоу — большой дуг на берегу Темзы, к северо-западу от Оксфорда, с древних времен служивший пастбищем общественного пользования.

² В исторической реальности от аббатства Годстоу сохранились только развалины. Этот женский монастырь, построенный в первой трети XII столетия, прекратил свое существование в 30-е годы XVI века, при Генрихе VIII, упразднившем монастыри по всей Англии.

крепляясь закусками со столиков и время от времени задирая головы, чтобы испустить свирепый и бессмысленный вопль. Имелся в трактире и закрытый бар, где местные сливки общества, если можно так назвать университетских профессоров, собирались, чтобы выкурить трубочку за кружкой эля; и бар открытый, где лодочники и батраки с окрестных ферм посиживали у камина и поигрывали в дартс, сплетничали за стойкой, заводили шумные споры или просто потихоньку заливали глаза; имелась кухня, где жена трактирщика каждый день готовила бычью ногу на вертеле, вращая его над очагом при помощи хитроумной системы цепей и блоков; и, наконец, имелся мальчик на побегушках, Малкольм Полстед.

Малкольм — одиннадцати лет от роду, рыжий, невысокий и крепко сбитый — был сыном трактирщика, единственным ребенком в семье. Он вырос любознательным и дружелюбным, и в улверкотской начальной школе¹, куда он ходил, всего за милю от дома, друзей у него хватало, но все-таки больше всего Малкольм любил играть сам по себе, со своим деймоном Астой. У них была лодка — каноэ с гордым именем «*La Belle Sauvage*» — что по-французски означало «Прекрасная дикарка». Один приятель-весельчак решил, что выйдет забавно, если переправить «v» на «s», и «Дикарка» превратилась в «Сосиску». Малкольм попытался закрасить царапины и некоторое время терпеливо трудился, но после третьего слоя краски рассвирепел и столкнул того придурка в воду, после чего они заключили перемирие.

¹ Улверкот (Уолверкот) — деревушка на берегу Темзы, приблизительно в 5 км к северо-западу от центра Оксфорда и к северу от Порт-Медоу.

Как и всякому сыну трактирщика, Малкольму приходилось помогать родителям: мыть посуду, разносить полные тарелки и кружки и забирать со столиков опустевшие. Это его ничуть не огорчало: работа есть работа. Только одно портило ему жизнь — судомойка Элис, высокая худощавая девица с темными волосами, которые она зачесывала назад и собирала в жидкий хвостик. Ей было всего пятнадцать, но на лбу и в уголках рта уже наметились складки — так часто она хмурилась от досады на саму себя. Малкольма она принялась дразнить с первого же дня, как устроилась на кухню: «Эй, Малкольм, а как твою подружку звать? Что значит “нет подружки”? А с кем это ты гулял вчера вечером? Ну и как, поцеловал ее? Ты что, еще ни разу не целовался?» Он долго старался не обращать внимания, но в конце концов не вытерпела Аста: накинувшись на деймона Элис, она швырнула этого тощего галчонка прямо в лохань с мыльной водой и принялась кусать и трепать, пока Элис не завизжала и не запросила пощады. Потом она, конечно, нажаловалась матери Малкольма, но та заявила: «Поделом тебе! Не жди, что я тебя пожалею. И впредь держи свой бесстыжий язык за зубами».

С тех пор Элис помалкивала. Они с Малкольмом старательно не замечали друг друга: он ставил стаканы на сушилку, она брала их и мыла, а он вытирал и нес обратно в бар — и все это в полном молчании, не обменявшись ни словом, ни взглядом. Малкольм не то что говорить — даже думать о ней не желал.

Но вообще трактирная жизнь была ему по душе. Особенно разговоры, которые иногда удавалось подслушать. Интересно было все, о чем бы ни толковали завсегдагаи, — о продажных чиновниках из Комиссии по очистке рек,

о правительстве, которое, очевидно, состояло сплошь из беспомощных идиотов, или, что было лучше всего, о философских материях. Например, что старше — Земля или звезды?

Беседы такого сорта порой настолько его захватывали, что, устав стоять с пустыми стаканами в руках, Малкольм пристраивал их на стол и встревал в разговор — но сперва непременно прислушивался и старался вникнуть. Многие ученые из университета, да и прочие посетители знали его в лицо и по имени и не скупилась на чаевые, но Малкольм никогда не стремился разбогатеть: деньги, полученные от чужих щедрот, казались ему милостью судьбы, он привык считать себя везунчиком, и впоследствии это пошло ему на пользу. Будь он из тех мальчишек, к которым прилипают клички, его наверняка прозвали бы Профессором, но Малкольм был не из таких. Когда его замечали, он людям нравился, да только замечали его нечасто, — и это тоже оказалось к лучшему.

Еще один мир, в котором Малкольма считали своим, лежал по ту сторону реки, сразу за мостом, до которого от трактира рукой было подать, — в серых каменных зданиях, среди зеленых полей, ухоженных садов и огородов монастыря святой Розамунды¹. Монахини сами обеспечивали себя почти всем необходимым: выращивали овощи и фрукты, держали пасеку, шили великолепные церковные облачения и продавали их за золото,

¹ В исторической реальности монастырь Годстоу тоже был связан с именем Розамунды, но не святой: в церкви этого аббатства была похоронена знаменитая красавица Розамунда Клиффорд (ум. ок. 1176), возлюбленная короля Генриха II. Позднее ее останки перенесли из церкви на монастырское кладбище, сильно пострадавшее при разорении монастыря в XVI веке; до наших дней могила не сохранилась.

не стесняясь торговаться. Но все же и у них порой возникала нужда в услугах расторопного мальчишки: то сбегать с поручением, то починить стремянку под надзором пожилого плотника Тапхауса, то принести рыбу из Медли-Пондс, рыбацкой заводи чуть ниже по течению. «Прекрасная дикарка» тоже помогала добрым монахиням: не раз и не два Малкольм отвозил сестру Бенедикту на станцию почтовых дирижаблей с драгоценной посылкой — епитрахиями, ризами или казулами для епископа Лондонского, который, судя по всему, носил свои облачения, не снимая ни днем, ни ночью (иначе совершенно непонятно, почему они так быстро изнашивались). И в каждой такой неспешной поездке вниз по реке и обратно Малкольм узнавал много нового.

— Сестра Бенедикта, а как это у вас ихние посылки так аккуратно выходят? — спросил он однажды.

— Их посылки, — поправила сестра Бенедикта.

— Ага, их. Как это они выходят так аккуратно?

— «Такими аккуратными», Малкольм.

Малкольм не обижался. Это была игра, в которую они с сестрой Бенедиктой играли уже давно. Но последнее замечание его смутило:

— Я думал, «аккуратно» тоже можно.

— Все зависит от того, что ты хочешь назвать аккуратным: сам процесс или его результат.

— Ну ладно, неважно, — сдался Малкольм. — Я просто хотел спросить, как это вы... *их* так ловко заворачиваете.

— Когда в следующий раз буду собирать посылку, обязательно тебе покажу, — пообещала сестра Бенедикта и слово свое сдержала.

Малкольм обожал монахинь — за то, что они вообще всё делали аккуратно, и за то, с какой любовью сажали плодовые деревья вдоль шпалер у солнечной стены сада, и за прелестные голоса, которыми возносили хвалы Господу в общем хоре, и за все те маленькие благодеяния, которые они оказывали разным людям. И разговаривать с ними о религии было интересно.

— А вы знаете, что в Библии сказано, будто Бог сотворил мир всего за шесть дней? — спросил он однажды старенькую сестру Фенеллу, заглянув на кухню, чтобы помочь ей с готовкой. Монастырская кухня была огромная, с высокими потолками.

— Так оно и было, — подтвердила сестра Фенелла, вымешивая тесто.

— А откуда же тогда взялись все эти ископаемые, которым уже сто миллионов лет?

— Ах, это! Ну, видишь ли, в те времена дни были куда длиннее, — пояснила монахиня. — Ты уже нарезал ремень? Давай не зевай, а то я тебя обгоню. Тесто уже готово.

— А почему мы режем ремень этим ножом, а не старыми? Старые острее.

— В ремне — щавелевая кислота, — ответила сестра Фенелла, выкладывая тесто на противень. — Поэтому его лучше резать нержавеющей сталью. Поддай-ка мне сахар.

— Щавелевая кислота, — повторил Малкольм, с удовольствием пробуя новые слова на вкус. — Сестра Фенелла, а что такое казула?

— Это такое церковное облачение. Священники надевают казулу поверх стихаря.

— А почему другие сестры шьют, а вы — нет?

Деймон сестры Фенеллы, белка, сидевшая рядом с ней на спинке стула, тихонько зацокал.

— Каждый делает, что умеет, — ответила монахиня. — В вышивке я не сильна. Только посмотри, какие у меня толстые пальцы! Зато сестры хвалят мои пироги.

— И мне ваши пироги нравятся, — сказал Малкольм.

— Спасибо, мой хороший.

— Почти такие же вкусные, как мамины. Только у мамы они пышнее. Наверное, вы тесто тоньше раскатываете.

— Да, наверное.

На монастырской кухне ничего не пропадало зря. Из обрезков теста, оставшихся от пирогов с ревенем, сестра Фенелла налепила корявеньких крестиков, пальмовых ветвей и рыбок, украсила их смородиной, посыпала сахаром и поставила печься на отдельном противне. Кресты, ветви, рыбки — все имело свой религиозный смысл, но из-под рук сестры Фенеллы они все выходили почти одинаковыми («Видишь, какие толстые у меня пальцы!»). Малкольму удавалось лучше, но ему пришлось как следует вымыть руки, прежде чем его допустили к тесту.

— А это печенье кто-нибудь ест? — поинтересовался он.

— О, рано или поздно съедают все до крошки. Гости иногда не прочь получить что-нибудь к чаю.

Монастырь стоял у моста, так что мимоезжих путников здесь хватало, и многие заворачивали к сестрам переночевать. «Форель», разумеется, тоже не жаловалась на недостаток гостей: каждый вечер в трактире оставались на ночь человека два-три, а с утра Малкольм подавал им за-